

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: СООТВЕТСТВИЕ ЗЕМЛИ И ДУШИ

Л. А. Рапацкая

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, Москва

Ecological Tradition in Russian Artistic Culture: Correspondence of the Earth and Soul

L. A. Rapatskayta

A. M. Sholokhov Moscow State Humanitarian University, Moscow

В статье анализируется глубинная ментальная связь духовной и природной среды обитания русского народа, определяющая на протяжении длительного времени структуру культуры, ее эпическое и историческое своеобразие.

Russian people' spiritual and natural habitat's deep mental connection which defines structure of culture, its epic and historical uniqueness during the long period of time is analyzed in the article.

Национальное своеобразие русской художественной культуры делает её легко узнаваемой на любом отрезке исторического пути — и в эпоху Древней Руси, и в период реформ Петра Первого, и в стремительном взлете «Золотого века» художественной классики. Это не случайно есть в русской художественной традиции некие ярко характерные черты, позволяющие идентифицировать голоса русских мастеров в многообразии голосов других культур, определить «на глаз» и «на слух» стилевые закономерности произведений русских композиторов, художников, писателей. И, пожалуй, один из самых сильных факторов, определивших специфику русской художественной культуры, духовной связи народа и среды обитания, некогда образно названный Н. А. Бердяевым «законом соответствия земли и души». Этот неписанный закон, выведенный философом, можно определить как не столько научное, сколько глубоко образное представление об экологической традиции в русской, в том числе художественной, культуре, которая складывалась вместе с формированием национального менталитета, вместе со становлением духовных основ зрелой русской культуры в её опоре на православные устои и христианскую картину мира.

Понимая национальную ментальность как глубинную структуру культуры, определяющую на «протяжении длительного времени её этическое (национальное) или историческое (эпохальное) своеобразие» [1], можно предположить, что сочетание экологического и художественного в русской культуре непосредственно выросло из этого «первозерна», дало разнообразные, нередко противоречащие друг другу «всходы».

Если попытаться представить в самом обобщенном, абстрагированном от частных виде формы этого взаимоотношения, то в научный обиход следует ввести три (или по меньшей мере три) определения.

Первое. Культура эколого-художественного менталитета. Этот тип культуры сложился в Древней Руси дохристианского, языческого периода.

Второе. Культура эколого-художественной гармонии. Сложилась в период с XI до XVII века. В дальнейшем приоритеты данной культуры получают развитие в разнообразных художественных течениях XVII — начала XX века.

Третье. Культура эколого-художественной дисгармонии. Запечатлела катастрофический разрыв мира человека и природной среды обитания, эгоцентризм и индивидуализм возрожденческого отношения к Богу и Космосу, трагичность Бытия перед лицом разрушенной богоданной природной гармонии. Сложилась в эпоху «серебряного века», получила развитие в советский и постсоветский период отечественной истории.

В этих условно выделенных типах проявились особенности национального менталитета, что получило воплощение в произведениях искусства. Поэтому предметом анализа при изучении данной типологии становятся особенности художественной картины мира, отраженной в фольклоре, мифологии, обычаях и обрядах, а также в профессиональной музыке, живописи, архитектуре, литературе, театре. Но прежде чем перейти к более конкретному описанию взаимодействия экологического и художественного, необходимо еще раз вернуться к понятию «менталитет» и выделить наиболее яркие особенности рус-

ской национальной ментальности, имеющие отношение к предмету нашего анализа.

Думается, что и у любого другого народа в основе национальной ментальности лежат некие первозданные отношения человека и окружающей природы. Однако в русском менталитете испокон веков складывались черты, отличающиеся не только яркой индивидуальностью, но и не менее яркой противоречивостью, которую некоторые ученые склонны называть антиномиями русского характера, антиномиями русской культуры. Эти антиномии складывались с незапамятных времен. Здесь стоит обратить внимание на некоторые наблюдения В. О. Ключевского [2].

Свои исторические в прямом и переносном смысле размышления о началах российской цивилизации ученый открывает анализом отношений «природа-человек» в глубокой древности. В. О. Ключевский приходит к выводу, что наши предки обожествляли, любили и одновременно боялись, порой ненавидели многие природные явления. В старину русский человек мог восхищаться красотой леса, деревьев. Это запечатлено во многих текстах народных обрядовых песен. Например, хороводная песня:

А и густо, густо
На берёзе листьё,
Ой люли, люли,
На березе листьё.

В. О. Ключевский отмечает особую любовь русского человека к реке-кормилице и водяной дороге. Река, по мнению учёного, являлась воспитательницей чувства общественного порядка, привычки к совместному артельному труду, общительности, умению размышлять о бренности и проходящем характере всего сущего [2]. Противоположные чувства рождала заснеженная равнина, в которой всё уплывало в бесконечность, отличалось однообразием. Жилья не было видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом — и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспробудному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли [2].

Продолжением противоречивого отношения наших предков к окружающей среде является хозяйственная жизнь. Из поколения в поколение русский человек воспитывался в пренебрежительном равнодушии к устройству своего дома, его украшению, приведению в порядок приусадебного участка. Из-за ожидания постоянных набегов степняков наши предки сами вынуждены были вести полукочевой образ жизни. Они не строили свои дома «на века», чтобы было не жалко бросать насиженные места, опасаясь за свою семью. Постепенно в определенные слои русского менталитета крепко вошло небрежное отношение к окружающей природе, недрам и водам родной земли. И все это — на фоне горячей сыновней любви к той же Матушке — земле, защищать которую русский человек всегда умел до последней капли крови.

Итак, мы привели только некоторые примеры противоречивого соотношения «природа — человек», рожденные в недрах складывающегося русского национального менталитета. Следовательно, названный Бердяевым «закон соответствия земли и души» является собой противоречивый феномен «любви — ненависти», «приятя — отторжения», «гармонии — дисгармонии». Обратимся к конкретным культурным текстам, дающим основание, подтвердить выделенные выше типологические особенности соотношения художественного и духовного.

Культура эколога-художественного монолога характерна для многих языческих культур. Однако на Руси она имела свои особенности.

Культ природы, возникший на ранней стадии развития восточных славян, становится системообразующим фактором дохристианской культуры Древней Руси.

Восточные славяне поклонялись множеству богов. Во главе языческих небожителей стоял земледельческий бог плодородия, бог природы, жизни, повелитель громов и молний Род (он же Сварог. Святovid и др.). Весьма почитались и другие персонажи «солнечного пантеона» — Дажьбог, Хорс, Ярила, Перун, Велес. Немалую роль в верованиях славян занимали русалка, ветры, рожаницы, которые «ведали» разными сторонами жизни. Ко времени принятия Православия главным языческим богом считался Перун. В древней летописи сказано: «К нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна деревяна, а главу его серебряну, а ус злат...» Пожалуй, кроме этого свидетельства не сохранилось никаких данных об «иконографии» языческих богов. Гораздо большую роль в языческих верованиях занимала чисто обрядовая сторона, где и сплелись в едином «монологе» экологическое и художественное, представления о природных силах и образное мышление.

Культура эколога-художественной гармонии сложилась в недрах Древней Руси, начиная с периода её крещения по православному обряду. С момента христианизации Древней Руси (988 год) в её культуре на протяжении семи столетий развивались идеалы, сопоставимые с современными экологическими взглядами на мир.

Известно, что Православие с его многовековыми традициями было воспринято Древней Русью как ценность, дарованная свыше. Это способствовало развитию в художественной культуре устойчивых традиций, основанных на четких представлениях об Истине, Любви, Красоте. Русское искусство было каноническим в самом высоком значении этого слова. Художественный канон иконописи, музыки, зодчества, литературы выражал соборное, наиндивидуальное начало. Как писал о. Павел Флоренский, «чем устойчивее канон, тем глубже и чище он выражает общечеловеческую духовную потребность: каноническое есть церковное, церковное — соборное, соборное — всечеловеческое» [3]. Поэтому древнерусская художественная культура через идеалы соборности смогла глубоко и полно выразить общече-

ловеческие духовные ценности, раскрыв сущность и смысл Бытия в шедеврах искусства.

Для понимания закономерностей культуры эколого-художественной гармонии следует изучить её важнейший источник — Библию. Здесь необходимо краткое пояснение. Сегодня каждый образованный человек знает, хотя бы в общих чертах, содержание начальной Книги Бытия. Однако правильно ли человек распорядился и продолжает распорядиться теми великими правилами жизни, что содержат строки Библии? Даже такие выдающиеся деятели как Жан-Жак Руссо и Л. Н. Толстой считали, что людям начать вести нецивилизованный образ жизни, слиться с природой, как наступит всеобщее благоденствие, исчезнут пороки и страсти, ведущие к мировым катастрофам, в том числе — экологическим. Иначе говоря, стоит человеку «презреть оковы просвещения», как он обретёт утерянный рай, станет нравственным и высокодуховным. Но так ли это?

Думается, что Библия учит другой мудрости. Пролог Книги Бытия говорит о восстановлении человека против Бога-творца, отвечает на вопрос: что есть мировое зло. И основание для вывода, что отнюдь не развитие техники или научные революции привели человечество на грань мировой экологической катастрофы, а нечто иное — злое, тёмное, бесовское находится в самом человеке. Как пишет о. Александр Мень, «это вовсе не клевета на нашу природу, это честное констатация того, что есть на самом деле» [4].

Но Библия, как известно, указывает и путь к спасению каждой человеческой души. Великий пророк Исаия верил, что люди в конце концов обретут единство с Богом и природой. Экологическая катастрофа, которая сегодня кажется неотвратимой, может не произойти, если совершится внутреннее преображение человека, его духовное прозрение и раскаяние, устремление к Добру, Красоте, ненасильственному миру.

Культура эколого-художественной дисгармонии родилась не вдруг. Её расцвету предшествовали глобальные исторические перемены в общественной, политической, экономической жизни России, связанные с реформами Петра Первого. Рождение феномена «русской европейскости», разрушившего исконные древнерусские устои, способствовало углублению противоречий в

духовных ориентациях нации. Не только храмовое, но и молодое русское светское искусство превращается в арену невидимых «боевых действий», где сталкиваются вечно противоречащие начала Добра и Зла.

Советско-атеистический лозунг «мы не можем ждать милостей от природы», вложенный в уста почтенного садовода И. В. Мичурина, родился не на пустом месте. Ему предшествовали десятилетия, в течение которых в русскую культуру беспечно впрыскивался яд безбожия и человеческой гордыни. И по сей день в нашей разговорной лексике звучат слова-символы, ярко отразившие этот процесс (например, знаменитое «люмпенское» выражение у А. М. Горького «Человек — это звучит гордо!») И по сей день мы мучаемся над «задачкой» Ф. М. Достоевского: «Всё ли дозволено человеку?»

Пожалуй, ярче всего культура эколого-художественной дисгармонии воплотилась в искусстве абстракционизма. Сколь бы ни были красивы теории этого направления (вспомним хотя бы работу В. В. Кандинского «О духовном в искусстве»), очевидно, что абстракционизм порвал с многовековой традицией русской культуры, ориентирующейся на нравственность, духовность, богоискательство. Беспредметную живопись можно любить или отрицать; сегодня она давно перестала быть возбудителем жгучих дискуссий. Однако тот факт, что художники в поисках «прекрасного» и «духовного» отвергли окружающий мир как модель искусства, говорит о многом. И, прежде всего о том, что человек в своём желании и гордыне переделает окружающую действительность по какой-либо собственной модели, зашёл в тупик. Древние заветы попорчены, новые не созданы. Мы ещё только ищем дорогу к Храму. И путь этот, на наш взгляд, лежит в возвращении к «закону соответствия земли и души», в покаянии за ошибки, вечно раздирающие душу российского интеллигента, в осознании своих невыплаченных долгов поколениям ушедшим и поколениям грядущим.

Литература

1. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. 43.
2. Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. в 9 томах. М., 1987. Т. 1. 83—86.
3. Флоренский П. А. Иконостас: богословские труды. М., 1972. 109.
4. Мень А. Радостная весть. М., 1991. 34.